

УДК 71.2:81.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-166-171

И.И. КОЗЛОВ В ОБЩЕНИИ С ДЕЯТЕЛЯМИ ИСКУССТВА

Якушкина Н.М.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация: Статья посвящена поэтическому диалогу И.И. Козлова с деятелями искусства его времени – Михаилом и Матвеем Виельгорскими, Александром Даргомыжским, Михаилом Глинкой. Их творческое общение часто проходило в доме поэта-слепца: чтобы поддержать И.И. Козлова в трудный период болезни, утешить и ободрить его, многие музыканты исполняли для него свои произведения. Поэт безгранично ценил тех, кто наполнял его дом волшебными звуками музыки, романсами, чтением произведений. Они приносили в его жизнь то, чего его лишила болезнь. Их выступления, посвящённые исключительно ему, поэту-слепцу, трогало сердце И.И. Козлова, вдохновляло его на создание собственных произведений. Он был благодарен им и свою благодарность переносил в создание стихотворных посланий, адресованных тем, кто стал спасительным звеном в трагической цепи его жизни.

Ключевые слова: И.И. Козлов, русский романтизм, поэтический диалог, деятели искусства.

I. KOZLOV IN COMMUNICATION WITH ARTISTS

N. Yakushkina

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the poetic dialogue of I. Kozlov with the artists of his time – Mikhail and Matvey Vielgorsky, Alexander Dargomyzhsky, Mikhail Glinka. Their creative communication often took place in the house of the blind poet: to support I. Kozlov in a difficult period of illness, to comfort and cheer him, many musicians performed their works for him. The poet valued immensely those who filled his house with the magic sounds of music, romances, reading of works. They brought into his life what he had been deprived of by illness. Their speeches, dedicated exclusively to him, the blind poet, touched the heart of I. Kozlov, inspired him to create his own works. He was grateful to them and transferred his gratitude to the creation of verse messages addressed to those who became the saving link in the tragic chain of his life.

Key words: I. Kozlov, Russian romanticism, poetic dialogue, artists.

В творческом наследии И.И. Козлова можно выделить ряд произведений, посвящённых музыкантам, артистам, танцмейстерам. Их творчество вдохновляло его на создание произведений, трогало сердце, утешало и ободряло в трудные

© Якушкина Н.М., 2017.

моменты. Поэт чувствовал в них родственные души. Дочь поэта, Александра Ивановна, писала: «Сближение с людьми выдающимися на поприще искусства, поэзии, науки, музыки, – со всем, что живёт истинную жизнь, было ему утешением» [6, с. 16]. Лишившись зрения, возможности самостоятельно передвигаться, И.И. Козлов, во многом потерял связь с внешним миром. Его визиты к друзьям, посещение театра, литературных салонов и концертов сократилось в несколько десятков раз. Для человека искусства, увлечённого желанием узнавать новое, погружаться в мир культуры и литературы, каким и был Козлов, это стало настоящей трагедией. Поэтому он с такой благодарностью относился к тем, кто приходил в его дом, чтобы не только поддержать поэта-страдальца, но создать атмосферу радости, творчества, искусства. В круг таких людей входил виолончелист и музыкальный деятель Матвей Юрьевич Виельгорский (1794–1866). В 1832 г. И.И. Козлов посвятил ему стихотворное послание «Графу М. Виельгорскому» (1832):

*Когда ж в приют уединенный
Тебя к нам дружба заведёт
И мне смычок твой вдохновенный
На сердце радость наведёт?*
[5, с. 202]

Поэт очень ценил таких людей, как Михаил Юрьевич Виельгорский, – талантливых, вдохновенных, посвятивших свою жизнь искусству. В них он видел родственную душу. М.Ю. Виельгорский – русский виолончелист, композитор польского происхождения. Из послания видно, что поэта и адресата его послания связывали тесные дружеские нити. И.И. Козлов признаётся, что когда он слышал звуки виолонче-

ли М. Виельгорского, то его душа пробуждалась, он снова хотел жить:

*И как прелестною игрою
Ты, овладев моей душою,
Мой тёмный мир животворишь! –
По звонким струнам ты бежишь,
А я печали забываю,
Я в невозвратное летаю,
И наслаждаюсь, и терплю,
Я вновь мечтаю, я люблю;
Мелькает память дней бесценных,
Весельем, горем незабвенных, –
И под напев волшебный твой,
Откинув саван гробовой,
В могилу раннюю влекомый,
Полумертвец, душе знакомый ...*

[5, с. 203]

И.И. Козлов называет себя полумертвецом, который оживает, когда слышит чудесную мелодию, исходящую из виолончели Виельгорского. По свидетельству современников, он был потрясающим музыкантом, хотя и дилетантом. В окружении поэта было не так много людей, которые могли понять его страдающую душу и без слов успокоить тревожное сердце И.И. Козлова. Но М.Ю. Виельгорскому это удавалось превосходно, поэтому он часто навещал своего друга, чтобы в очередной раз сыграть для него любимые мелодии. Поэт неоднократно отмечал в своём дневнике его визиты: «...Я прочёл мое послание к Вальтеру Скоту Виельгорскому... (29 января 1832 г.)» [4, с. 18]; «...С граф. Матв. Виельгорским мы много говорили об его интересном племяннике и о милом Жуковском: оба в Италии – ради здоровья» [4, с. 28].

И.И. Козлов был дружен и с родным братом Матвея Юрьевича Виельгорского – Михаилом Юрьевичем Виельгорским (1788–1856), талантливым композитором-любителем. Он так-

же посещал дом И.И. Козлова, о чём свидетельствует дневниковая запись поэта от 5 ноября 1839 г.: «...Позже пришёл любезный гр. Михаил Виельгорский, я был очень рад его видеть; он мне показал нежное участие. Мы беседовали об опере, артистах: Pasta, Malebran, Pauline Garsia, которых всех он знает. Он мне сказал, что наш Иванов восхищает Италию. Я ему прочёл мою балладу и мою Жалобу» [5, с. 28].

Ещё один композитор часто бывал в доме поэта-слепца: «...Даргомыжский много играл. Он приходит часто (9 марта 1832 г.)» [4, с. 18]; «...Добрый Даргомыжский. Для меня было таким удовольствием слушать арию Иосифа и особенно – Отелло Мендельсона – и также симфонию Бетховена (15 января 1833 г.)» [5, с. 19]; «...Я провёл ужасную ночь, изнемогая от страданий... Даргомыжский играл вечером (23 марта 1837 г.)» [4, с. 23].

И.И. Козлов признаётся, что музыка А.С. Даргомыжского (1813–1869) успокаивала его, вдохновляла и приносила огромное удовольствие. Особенно трогательными для него были минуты, когда композитор музицировал с его дочерью, Александрой Ивановной. Воспоминания об этом сохранились на страницах его дневника: «...Даргомыжский играл много в 4 руки с моею дочерью – прелестные вещи из Бетховена, особенно 27 симфонию, потом она одна сыграла гавот и менуэт, которые вызвали во мне столько воспоминаний ... (18 декабря 1837 г.)» [4, с. 26].

Не могли оставить равнодушными эти визиты и самого А.С. Даргомыжского. Он с огромным уважением и тёплым дружеским чувством относился к И.И. Козлову. В письме Н.Б. Го-

лицыну он неоднократно вспоминает имя поэта: (С.-Петербург, 13 мая 1836 г. Оригинал письма представлен на французском языке. Его перевод осуществлен А.Н. Римским-Корсаковым): «...Несомненно, лишь вдохновение могло побудить Вас взяться за столь трудную работу и в особенности вселить в Вас достаточно силы воли, чтобы привести её к концу. Я говорю трудную, так как поэма «Чернец», как и вообще все русские поэмы, бесконечно более поддаётся немецкому или английскому переводу, чем французскому. Г. Козлов, с которым я виделся вчера вечером, и сам с этим согласен. Я сообщил ему, князь, со всей возможной деликатностью, то, что Вы мне поручили передать по его адресу. Чтобы лучше удостовериться, как он отнесётся к предложению преподнести ему Вашу работу в печатном виде, я завёл с ним речь о Вашем желании напечатать её – в случае одобрения с его стороны, – с целью предназначить доход на какое-нибудь доброе дело...

Добрый старик был растроган до глубины души: он просил меня передать Вам, что всего более польщён честью, которую Вы оказываете ему своим переводом, что чувствует всю деликатность Вашего образа действий, что полон к Вам живейшей благодарности, наконец, что был бы в восторге получить штук десять экземпляров Вашего печатного перевода, дабы поднести его добрым друзьям...» [2, с. 15–16].

Из письма видно, с каким трепетом и радостью узнаёт И.И. Козлов от А.С. Даргомыжского о желании князя Н.Б. Голицына осуществить перевод «Чернеца». Он чувствует неловкость, что его произведение стало основ-

ной темой переписки двух известных творческих личностей того времени. Это ещё раз выдаёт его природную скромность и христианское смирение, огромное уважение к окружающим его людям. Он бесконечно благодарен А.С. Даргомыжскому и Н.Б. Голицыну за живое участие в его судьбе.

И.И. Козлова и А.С. Даргомыжского связывали не только тесные дружеские, но и творческие узы. Композитор положил музыку на многие стихи И.И. Козлова. Среди них «Португальская песня» – перевод произведения Дж. Байрона. Впоследствии появился романс «Привет». (Муз. А. Даргомыжского. Слова И. Козлова. Изд. М. Бернарда).

А.С. Даргомыжский много лет был дружен с М.И. Глинкой (1804–1857). Видимо, через А.С. Даргомыжского состоялся и творческий союз И.И. Козлова с М.И. Глинкой. В дневнике поэта нет упоминаний о посещении его дома великим композитором, но последний, будучи в 30-х гг. XIX в. в Венеции, вспомнил о стихотворении И.И. Козлова «Венецианская ночь» (1825) и положил музыку на первые три строфы:

*Ночь весенняя дышала
Светло-южную красой
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отражён волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистый
От зелёных берегов [5, с. 91].*

Поэт описывает всё великолепие весенней ночи. Особенно привлекательна для него в это время река, волшебным, чарующим образом отражающая лунное сияние.

М.И. Глинка вспоминал об этом: «Тою же весною один знакомый Соба-

чевского сообщил мне в Милане слова двух романсов: Победитель Жуковского и Венецианскую ночь Козлова; я тогда же написал их (1832)» [1, с. 125]. Так появился романс, который вскоре получил огромную популярность. А.П. Керн исполнила в 1825 г. в Тригорском «Венецианскую ночь» и имела огромный успех у публики. А.С. Пушкин в письме к Плетнёву (ок. 19 июля 1825 г) так напишет об этом памятном событии: «Скажи от меня Козлову, что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поёт его «Венецианскую ночь» на голос гондольерского речитатива – я обещал известить о том милого, вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит её, но пусть вообразит себе красоту и задушевность ... » [7, с. 189, 530]

Когда болезнь лишила возможности И.И. Козлова передвигаться, он почувствовал огромное опустошение. Оно было вызвано и отсутствием того объёма общения, которое было раньше, недостатком впечатлений от знакомства с людьми или новыми достопримечательностями. И эту пустоту он пытался заполнить. Как ребёнок, радовался, когда его навещали друзья, очень чётко понимая, что светская жизнь в Петербурге бьёт полным ключом, и у них в карманах лежит ни одна карточка с приглашением в салон или гостиную. А они предпочли провести его здесь, рядом со слепым другом. Как за соломинку, хватывался поэт за это общение, чтобы услышать новые произведения, рассказы друзей, поделиться тем, что у него на сердце, а может, и прочитать то, что было написано им самим. В отсутствии друзей наступало одиночество, которое пытались хотя бы в малой степени сглаживать его

домашние. Они пытались постоянно быть рядом, читая Евангелие, письма, зарубежную и русскую литературу. Но если бы наши близкие смогли нам заменять дружеский круг, наверное, у людей не было бы необходимости иметь товарищей. Это понимала и семья Козлова, потому всегда с радостью принимала всех переступавших порог их дома с чувством «родственного общения», который был «вообще характерен для русской жизни эпохи романтизма» [3, с. 135].

В минуты одиночества и полного отчаяния Козлов принимался усердно молиться Богу, читать Святое Евангелие, псалтирь и другую духовную литературу. Обретая успокоение и душевную гармонию, он ложился спать, чтобы на следующий день минута за минутой снова бороться не только за существование на земле, но за жизнь интересную, насыщенную событиями и личностями, счастливую и радостную.

Он усердно занимался переводами: его разностороннее образование и ум помогали это делать в совершенстве. Много повторял, что помнил наизусть и декламировал гостям: тренировал свою память. Писал сам, оттачивая

рифму, слог, создавая всё новые и новые интересные поэтические рисунки. Занимаясь разносторонними делами, И.И. Козлов отвлекался от мыслей о своём недуге. Находясь в поэтическом воодушевлении, создавая свои произведения, он радовался по-детски. А похвала его друзей-литераторов были как бальзам на сердце – его труд оценён, он нужен ещё кому-то, кроме него самого. И весь вечер улыбка не сходила с лица поэта.

Музыка – это то, без чего И.И. Козлов не представлял свою жизнь. Воспоминание о концертах, музыкальных вечерах, балах усаждали сердце поэта, и в то же время он резко чувствовал недостаток музыки сейчас, когда у него не было прежней возможности присутствовать на концертах любимых исполнителей. Волшебные мелодии действовали на него чарующим образом. Они переносили его в неведомый мир, где не было боли, страдания, разочарований. Поэт любил, когда дом посещали композиторы, певицы, артисты, музыкальные деятели, они понимали чувства поэта-слепца и увлекали его в притягательный мир звуков, от которого сердце И.И. Козлова переполнялось нежностью, трепетом и любовью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинка М.И. Записки. М.; Л.: Academia, 1930. 568 с.
2. Даргомыжский А.С. Избранные письма. Выпуск I. М.: Музгиз, 1952. 76 с.
3. Киселева И.А., Гузина С.В. Духовно-нравственный идеал русской поэзии 1820-30 годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 3. С. 132-137.
4. Козлов И.И. Дневник / публ., вступ. ст. и комментарии К.Я. Грота. Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1906. 33 с.
5. Козлов И.И. Полное собрание стихотворений. Ленинград: Советский писатель, 1960. 506 с.
6. Козлов И.И. Стихотворения / сост., вступ. ст. В.И. Сахарова. М.: Советская Россия, 1979. 176 с.

7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (1937–1959). Т. XIII. Переписка 1815–1827 (Письма Пушкина и к Пушкину). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937. 651 с.

REFERENCES

1. Glinka M.I. *Zapiski* [Notes]. Moscow, Leningrad, Academia Publ, 1930. 568 p.
2. Dargomyzhskii A.S. *Izbrannye pis'ma. Vypusk I* [Selected letters. The Issue I]. Moscow, Muzgiz Publ., 1952. 76 p.
3. Kiseleva I.A., Guzina S.V. [Spiritually-moral ideal of the Russian poetry 1820–30s]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series Russian Philology], 2010, no. 3, pp. 132–137.
4. Kozlov I.I. [Diary]. Petersburg, Printing M. Stasyulevich, 1906. 33 p.
5. Kozlov I.I. Complete collection of poems. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1960. 506 p.
6. Kozlov I.I. Poems. Moscow, Soviet Russia Publ., 1979. 176 p.
7. Pushkin A.S. Complete works: in 16 volumes (1937–1959). Т. XIII. Correspondence 1815–1827 (Letters to Pushkin and from Pushkin). Moscow; Leningrad, Publishing house of the USSR AS, 1937. 651 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Якушкина Наталья Михайловна – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: yakuwkina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya Yakushkina – postgraduate student at the Department of the Russian Classic Literature, Moscow Region State University;
e-mail: yakuwkina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Якушкина Н.М. И.И. Козлов в общении с деятелями искусства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 166-171
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-166-171

FOR CITATION

Yakushkina N.M. I. Kozlov in communication with artists. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 166-171
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-166-171